Берлинский экспресс

Шпионский роман-квест.

Осень 1963 года. Международный экспресс Берлин — Дрезден — Прага — Вена. Двадцать один час пути. Четыре границы. Один билет.

Как читать эту книгу · Журнал операции · Начать: Часть I

Как читать эту книгу

Вы. Вы — Алексей Морозов, агент небольшой западной службы, которую в кулуарах называют Конторой. В паспорте вы Александр Морозов, австрийский коммерсант. Книга обращается к вам на «вы» и говорит о вас в настоящем времени, потому что у вас нет ни прошлого, о котором можно спокойно рассказывать, ни будущего, о котором можно спокойно молчать.

Выбор. В конце большинства глав вам предстоит выбрать. Выбор — это ссылка со стрелкой и номером. Нажмите на неё, и вы окажетесь в нужной главе. Нажимайте только то, что решили, и не заглядывайте вперёд: шпионы, которые знают, что будет дальше, существуют только в плохих книгах.

Журнал. Вам понадобится блокнот (бумажный или цифровой). Страница «Журнал операции» объясняет, что в него записывать. Это шесть записей: Подозрение, Ключи, Расшифровки, Предметы, Станции и (ближе к концу) Очки игры. Книга сама напомнит, когда пора записать или вычеркнуть. Если запись забыта, ничего не рухнет, но поезд будет вас помнить.

Документы. Документы в книге оригинально написаны по-немецки и по-чешски, а иногда по-русски. Вы читаете все три языка так же свободно, как читаете лица, и потому в книге они даны по-русски. Это условность. Всё остальное по

возможности настоящее: вокзалы, города, границы, паспортные формальности, запах угля. Сам поезд, его расписание и все, кто в нём едет, вымышлены.

Бумаги. Эта книга любит бумаги: памятки, меню, инструкции, протоколы. Читайте их внимательнее, чем принято. В вашем ремесле иногда важно не только то, что написано, но и то, как оно написано. А иногда — нет, и тогда вы просто потратили время. Это тоже часть ремесла.

Цена. Каждый выбор что-то стоит: время, доверие, нервы. Книга не ставит «правильных» и «неправильных» развилок. Она ставит такие, после которых жалеть можно о разном.

Секретные главы. В конце книги, после финалов, лежат главы с номерами от 400 и выше: письма, досье и рукописи. На них нет ссылок из основного текста. Попасть туда можно только по номеру, который вы сами расшифровали. Найдя такой номер, читайте главы по порядку, а по окончании блока возвращайтесь туда, откуда пришли. Если вы не нашли ни одного номера, вы ничего не потеряли: основная дорога закончится сама.

Фикция. Всё, что здесь сказано о приёмах шпионского ремесла, годится для литературы и не годится для чего-то другого.

Приятного пути. Администрация вокзала ответственности не несёт.

Начать: Часть I

Журнал операции

Ведите записи в блокноте. В начале игры:

Запись	Начальное значение
Подозрение	0 (от 0 до 10; на 10 вас арестовывают)
Ключи	пусто (К1–К5: записывайте ключ, когда нашли и применили его сами)
Расшифровки	0 (от 0 до 12; прибавляйте 1 за каждый верно прочитанный скрытый текст)
Предметы	«Билет», «Паспорт», «Визитки», «Образцы», «Конверт» (запечатан)
Станции	8 (запас времени; когда останется 0, поезд приходит в Вену без вас подготовленным)
Очки игры	0 (понадобятся только в Вене, в карточной партии)

Дополнительно по ходу книги вы будете записывать, кому из попутчиков доверяете («доверяю», «проверен», «подозреваю»), и особые отметки («Эхо», «Ложный ящик» и другие). Книга всегда прямо скажет, что записать.

Правила.

- Предмет записывается, когда глава говорит: «Получен предмет». Если глава говорит «Условие: предмет…», читатель проверяет свой список.
- Подозрение уменьшается только тогда, когда глава говорит об этом явно.
- Расшифровку считает только сам читатель: книга не скажет вам, что вы нашли скрытое.

- Ключ — это способ чтения, а не награда. Если вы применили способ, запишите его.

Начать: Часть I

Часть I. Перрон

«Расписание — единственная правда, которую никто не оспаривает». Ф. Вебер

1

Берлин, вокзал Остбанхоф. Четверг, 15.20.

Дождь в Берлине не падает, а оседает: на пальто, на ресницах, на мыслях. Вы входите в зал со стороны привокзальной площади, стряхиваете с полей шляпы воду, успевшую стать частью вашего лица, и на секунду останавливаетесь. Профессионалы называют это «дать глазам привыкнуть». Остальные называют это «стоять на проходе».

Зал огромен и закопчён. Под сводами слоится дым: паровозный, сигаретный, казённый. Репродуктор женским голосом без пола и возраста читает названия городов, которые большинству присутствующих недоступны. Пахнет мокрой шерстью, углём и кофе, который выдаёт себя за кофе.

У входа, на жестяной стойке, лежит стопка памяток для пассажиров. Вы берёте одну: привычка. Бумага о месте говорит больше, чем люди в нём. Разворачиваете. Из сгиба выскальзывает узкая полоска и, кружась, ложится вам на ботинок.

Вы поднимаете её вместе с брезгливостью к собственному любопытству. Текст напечатан на машинке, не слишком новой: буква «е» чуть приподнята над строкой.

Не верь расписанию. Поезд уже ушёл.

Ни подписи, ни адреса. Шесть дней вы без связи: так задумано, Центр молчит по правилам. А тот, кто это правило нарушил, нарушил его раньше вас.

Поезд отходит в 16.40. До отправления час двадцать.

Получен предмет: «Записка».

- Развернуть памятку целиком и прочесть. → 2
- Найти кого-нибудь, кто здесь работает и знает расписание: у входа дремлет носильщик. → 8
- Сунуть бумажку в карман и идти дальше, как будто вы ничего не видели. → 10

2

Тот же зал, у входа. 15.24.

Памятка составлена добросовестно, то есть так, словно её писал человек, которому платят за слова и штрафуют за мысли. Вы читаете, не торопясь. Читать надо всегда не торопясь: торопятся только те, кто хочет, чтобы вы ничего не заметили.

ПАМЯТКА ПАССАЖИРАМ

Пассажиров просят занимать места не позднее чем за пять минут до отправления.
Если поезд задерживается, об этом будет объявлено по громкоговорителю.
Ручной кладью считается багаж, который пассажир способен унести без посторонней помощи.
Разрешается провоз собак при наличии намордника и отдельного билета.
Отправление поездов дальнего следования производится строго по расписанию.
Не оставляйте вещи без присмотра: администрация вокзала ответственности не несёт.
Чемоданы и сумки на перроне надлежит держать у ног.
Ежедневно, кроме воскресенья, камера хранения работает до двадцати двух часов.
Телефонные кабины находятся у входа в западный зал.
Вход на перрон без билета или перронной карточки воспрещён.
Если вы заметили забытую вещь, сообщите об этом сотруднику транспортной полиции.
Распитие спиртных напитков в зале ожидания не допускается.
Курить разрешено только в отведённых местах.
Администрация желает вам приятного пути.

Отпечатано в типографии «Ост-Друк», 9/63. Заказ № 1417.

Ничего необычного. Всё то, что обычно пишут на вокзалах: запреты, которыми гордятся, и обещания, которых никто не давал. Вы складываете памятку вчетверо.

Получен предмет: «Памятка».

- Подойти к табло и свериться с расписанием. → 3
- Купить газету: у киоска можно спокойно постоять и подумать. → 6
- Спрятать памятку и идти дальше. → 10

3

Зал, у табло отправлений. 15.27.

Табло размером со стену: сотни жестяных пластинок с цифрами и буквами, которые меняет человек на стремянке. Он делает это с таким безразличием, что кажется, будто он переставляет не поезда, а мебель в чужой квартире.

Вы находите строку: **Д 59 «Данубиус». Дрезден — Прага — Вена. 16.40. Перрон 2.** Цифра «2» на жестяной пластинке блестит чуть ярче соседних, словно её только что повесили. Но здесь всё блестит неровно: вокзал латали после войны тем, что нашлось.

На соседнем столбе висит плакат Бюро путешествий. Женщина с чемоданом улыбается так, будто ей только что выдали разрешение. Под ней лозунг: «С первого взгляда — наш!» Слово «наш» в этой стране употребляется щедро: наш вокзал, наш поезд, наш октябрь. Не уточняется только, чей вы.

- Приглядеться к человеку у газетного киоска: он слишком давно стоит на одном месте. → 4
- Подойти к справочному бюро и уточнить перрон. → 5
- Не задерживаться и идти дальше. → 10

4

Зал, у газетного киоска. 15.31.

Он стоит у киоска в сером плаще с поясом, затянутым с аккуратностью человека, который любит порядок больше людей. Читает газету. Вы наблюдаете за ним в стекле табло: он не перевернул ни одной страницы.

Это ещё ничего не значит. Многие читают газеты именно так: с уважением к первой полосе. Но вы замечаете другое. В зале набралась вода: на плитке, на полах плащей, на подолах брюк. У всех на ботинках сырость. У него ботинки сухие и начищены.

Либо он только что вошёл с крыши, либо он давно здесь. Вы не любите совпадений. Совпадения — это ремесло людей, которым поручено вас найти.

Он не смотрит на вас. Он смотрит на табло, туда, где значится «Перрон 2». Потом его взгляд сдвигается на два пальца, не больше, и вы понимаете, что он только что проверил, как отражается его спина в стекле.

- Отойти к справочному бюро, где людно. → 5
- Сесть на скамью и подумать. → 7
- Идти дальше, не оглядываясь. → 10

5

Справочное бюро. 15.34.

За окном справочного бюро сидит женщина в вязаной шали. На табличке: «Фрау Рут Бэр». Шаль выпустила одну нитку, которую хозяйка то и дело заправляет обратно, как человек, привыкший скрывать мелкие недостатки.

— Д пятьдесят девять? — Она не открывает справочник. Смотрит на часы над вашим плечом. — Перрон второй, как написано.

— Как написано, — повторяете вы.

— Так всегда написано, — говорит она, и это, возможно, самое честное, что вам скажут сегодня.

Она улыбается вам с той вежливостью, за которой не стоит ничего, кроме желания, чтобы вы ушли.

Вы замечаете мелочи, на которые обычно не смотрят. Под её локтем лежит служебный листок со списком перронов, и против вашего поезда цифра зачёркнута и вписана заново другими чернилами. Справочное бюро не ошибается: оно исправляется. Разницу знает каждый, кто когда-нибудь работал с бумагами.

- Поблагодарить и отойти. → 6
- Спросить прямо, не переносили ли поезд на другой путь. (Подозрение +1.) → 10

6

Газетный киоск. 15.37.

Киоск обложен газетами, как крепость мешками с песком. «Нойес Дойчланд» на первой полосе сообщает, что всё идёт по плану, а на последней уточняет, чьему. Газета, в которой всё уже произошло и всё хорошо: самый удобный из жанров.

— Берите, не стесняйтесь, — говорит киоскёрша, заметив, что вы смотрите на стопку памяток у кассы. Точно такая же, как в вашем кармане. — Бесплатно. С утра вторую пачку принесли, куда их девать.

Вы платите за газету столько, сколько просят, и говорите «danke» с подчёркнуто венской мягкостью. Венцы любят, когда за границей их узнают, а немцы любят, когда за границей узнают их, и в этой взаимной любви можно спрятаться.

Пачка памяток уложена ровно, как кирпичи в кладке: края совпадают до миллиметра, словно её только что выровняли линейкой. Люди, которые раздают бесплатные бумаги, обычно небрежны. Эти были аккуратны.

Получен предмет: «Газета».

- Сесть на скамью и просмотреть газету. → 7
- Идти дальше. → 10

7

Скамья у стены. 15.41.

Деревянная скамья, вырезанные инициалы, кто-то процарапал год, который уже закончился. Вы раскрываете блокнот и записываете то, что известно. Получается мало:

Поезд Д 59 отходит в 16.40. По табло перрон 2. Записка напечатана на машинке, без подписи. Человек в сером плаще с сухими ботинками. Центр молчит.

Вы смотрите на этот список, пока он не становится похож на анкету, которую заполнили вместо вас. Если записка настоящая, поезд ушёл раньше, чем вы поняли, что нужно успеть. Если подделка, кто-то хочет, чтобы вы заторопились. Оба варианта неприятны, как и все остальные.

Хуже всего в записке не угроза. Хуже всего, что она вежлива.

Вы убираете блокнот. До посадки остаётся десять минут.

Задача, если вынуть из неё всё лишнее, проста, как все задачи, от которых умирают. Встретиться в поезде с Фридрихом Вебером, референтом министерства внешней торговли, получить у него список и довезти этот список до Вены. Вебера вы должны узнать по условному знаку: о нём сказано в инструкции. Что именно в списке, вам не объяснили. Объяснили только, что ради него в Берлине уже перестали здороваться с некоторыми людьми, а это в вашем кругу самая тяжёлая форма некролога.

- Встать и идти. → 10

8

Зал, у входа. 15.25.

Носильщик сидит на своей тележке, как на троне. Бляха с номером 31, фартук из клеёнки, лицо цвета рельсов после дождя. Ему лет шестьдесят два, и ему не удивить ничем, что движется по расписанию или против него.

— Багаж? — спрашивает он, не поднимая глаз.

— Расписание, — отвечаете вы.

Носильщик долго смотрит на вас. Потом на табло. Потом снова на вас.

— Расписание, молодой человек, это пожелание, — говорит он и достаёт из кармана огрызок карандаша. — Вы читаете начало, не конец. В конце всегда извиняются.

Он замолкает, как будто сказал лишнее. Или как будто сказал ровно столько, сколько требовалось.

- Дать ему на чай и послушать, что он знает. → 9
- Поблагодарить и идти дальше. → 10

9

Зал, у входа. 15.28.

Монета исчезает в кармане клеёнчатого фартука так быстро, что вы не успеваете понять, была ли она у вас.

— Кноль, — представляется носильщик. — Лет сорок на этой работе, и ни разу никто не спросил, как меня зовут. Вы спросили.

— Я не спрашивал.

— Вот именно. Это ценится.

Он оглядывает зал, как хозяин, у которого в доме прохожие.

— Перрон два у нас нынче как вдова, — говорит он негромко. — Все на него смотрят, никто не приходит. Перроны у нас переставляют, как мебель в доме, где кто-то умер: никто не объясняет зачем, и все делают вид, что так и стояло.

Он поднимает глаза к сводам.

— А вообще, я ничего не говорил. Я носильщик.

- Поблагодарить и вернуться в зал. → 10

10

Зал ожидания. 15.50.

Посадка открыта. Зал меняет дыхание: толпа, которая ждала, теперь движется, и в её движении есть та торопливость, с какой люди боятся, что их не пустят даже туда, куда их обязаны пустить.

Перед вами четыре двери. Справа кассовый зал, окна с номерами, очередь. Слева «Митропа»: дубовые двери, белые скатерти, запах супа, который называется «дня». Позади лестница с эмалированной табличкой «Только для служебного персонала». Прямо перронный барьер, за которым стоит всё, что вы ищете, и некоторые из тех, кто ищет вас.

Инструкция Конторы на этот случай лежит в портфеле: запечатанный конверт, вскрыть после посадки. Контора вообще любила предусмотрительность, не доходящую до удобства.

До отправления пятьдесят минут.

- Кассовый зал: уточнить место в вагоне, пока есть время. → 11
- Ресторан «Митропа»: горячее, глаза и уши. → 20
- Служебная дверь: тот, кто ходит там, где нельзя, видит то, что нельзя. → 30
- Перронный барьер: билет есть, остальное приложится. → 40

11

Кассовый зал. 15.52.

Очередь здесь не способ ожидания, а форма существования. Люди стоят в ней с тем видом, с каким в других странах стоят в храме: терпеливо, молча и с тайной надеждой, что их заметят наверху.

Окна пронумерованы. Над седьмым табличка: «Зарубежные поездки». Перед ним человек восемь: двое в дорожных плащах, дама с картонкой, перевязанной бечёвкой, мальчик с леденцом на палочке и усталый отец. Часы над окнами ходят чуть быстрее вокзальных. Или вокзальные чуть медленнее.

— Мама, а где Вена? — спрашивает мальчик.

— Далеко, Эрнст, — отвечает мать. — Не отвлекайся от очереди.

Вы занимаете место в хвосте и делаете то, что умеете лучше всего: смотрите на руки. У дамы с картонкой дрожит бечёвка. У отца пальцы сжаты в кулак вокруг билета. У полицейского в серо-зелёной шинели, который прохаживается вдоль окон, руки за спиной, и это хуже всего: руки за спиной бывают у людей, которым есть что в них держать.

- Дождаться своей очереди. → 12

12

Окно № 7. 16.03.

За стеклом сидит женщина лет сорока четырёх с тем лицом, какое бывает у учительниц, поставленных надзирать за контрольной по физике, в которой никто ничего не списывает, но все что-то скрывают. Табличка: «Фрау Линднер».

— Билет, — говорит она.

Вы протягиваете. Она смотрит на него долго, как на вещь, которая вот-вот скажет что-нибудь лишнее.

— Первый класс, без места. Нынче все хотят без места. Удобно: если места нет, никто не виноват. Паспорт.

Вы подаёте паспорт. Она листает.

— «Александр Морозов. Фирма “Маркс и сыновья”». — Пауза. — Сыновей много?

— Двое, — отвечаете вы. — И оба недовольны.

Фрау Линднер поднимает на вас взгляд. Впервые в нём что-то шевелится. Не улыбка, а её тень: отец улыбки, который погиб на войне.

Справа от вас останавливается серо-зелёная шинель. Полицейский смотрит на ваш паспорт через плечо кассирши так, будто паспорт дал ему повод.

- Дать полицейскому осмотреть документы и ответить на вопросы. → 13
- Сказать, что вам нужно позвонить, и отойти к телефонной кабине. → 15

13

Окно № 7. 16.05.

— Цель поездки? — спрашивает полицейский. Голос у него ровный, как линейка. На погонах одна лычка, на лице выражение, которое выдают вместе с формой.

От вашего ответа зависит больше, чем он может представить. Или меньше, чем вам кажется: в вашем ремесле это одно и то же.

Легенда проста. Лейпцигская ярмарка, неделя в Берлине, переговоры с внешнеторговым предприятием, штангенциркули, микрометры, скука. Скука вообще лучшая легенда: к ней не приходят с вопросами.

Но искушение велико. Разыграть простака с историей. Рассказать о Лейпциге с подробностями, которых не спрашивали, чтобы выглядеть живым человеком. Это называется «добавить красок», и именно так провалилась половина разведок.

- Ответить по легенде: ровно, скучно, без лишних слов. → 14
- Рассказать красочно: про ярмарку, про гостиницу, про погоду. (Подозрение +1.) → 14

14

Окно № 7. 16.08.

Полицейский возвращает паспорт и отходит так же беззвучно, как подошёл. В вашем списке людей, которые вас запомнили, прибавилась ещё одна строка.

Фрау Линднер выписывает плацкарту и ставит штемпель с такой силой, будто пригвождает что-то к столу.

— Вагон четвёртый, купе третье, место у окна, — говорит она. — Пассажиры четвёртого вагона, как правило, добираются.

— Как правило?

— Статистика, — отвечает она, и это звучит как приговор.

Штемпельная краска не пахнет: у казённой краски вообще нет запаха. Но эта пахнет так, словно уже всё решила за вас. Вы убираете плацкарту в бумажник, туда, где лежит паспорт, и чувствуете, как карман становится на одну бумагу тяжелее и на одну возможность беднее.

Получен предмет: «Плацкарта» (вагон 4, купе 3, место у окна).

- Продолжить. → 16

15

Телефонная кабина, западный зал. 16.04.

Вы входите в кабину, прикрываете дверь и не набираете ничего. Это искусство: звонить так, чтобы звонок слышали только вы.

Трубка тёплая от чужих рук. Вы слушаете. Ровный гудок. Потом, на полтона ниже, второй, как эхо с опозданием. Может быть, линия. Может быть, кто-то. Вы стоите, пока не уверитесь, что решить это не удастся, и тогда кладёте трубку.

Через стекло видно зал. Полицейский уже отошёл от седьмого окна и теперь занят дамой с картонкой, которая объясняет ему, что в картонке нет ничего запрещённого. Ничего запрещённого в картонках не бывает, пока их не откроют.

Минут пятнадцать как не бывало. Время единственное, что вокзал выдаёт без очереди и без квитанции.

Отметьте: Станции осталось 7.

- Вернуться к окну. → 14

16

Окно № 7. 16.09.

— Желаете спальное место? — Фрау Линднер говорит это так, словно предлагает вам не кровать, а чужую биографию. — Вагон шестой, купе второе. Последнее. Берут ночью, да ещё и подороже, чем днём.

Она называет цену. Это примерно стоимость лёгкого ремонта в чьей-то квартире. Контора вам такие расходы не оплатит, потому что любые расходы Контора оплачивает с видом человека, которого грабят.

Спальное купе даёт дверь, которая запирается, и тишину, которую можно купить. Первый класс даёт сиденье и компанию. Вы знаете, что лучше для сна. Вы знаете, что лучше для дела. Это, к сожалению, разные знания.

- Взять спальное место. → 17
- Отказаться. → 18

17

Окно № 7. 16.10.

Фрау Линднер выписывает квитанцию мелким каллиграфическим почерком, как человек, который знает, что бумаги переживают людей.

— Люди, которые платят лишнее, обычно любят покой, — говорит она, не поднимая головы. — Или прячутся в нём.

— А вы как думаете, который я?

— Я думаю, что вы берёте последнее купе, а таких в моей практике сто раз спрашивали, зачем. — Она подвигает вам квитанцию. — И ни разу никто не ответил так, чтобы я запомнила.

Вы платите. Вы чувствуете на себе взгляд, который не принадлежит кассирше. Он идёт откуда-то слева, из тех мест, где окна заканчиваются и начинается спина зала.

Получен предмет: «Спальное место» (вагон 6, купе 2). Запишите: Подозрение +1.

- Выйти из кассового зала. → 19

18

Окно № 7. 16.10.

— Как угодно, — говорит фрау Линднер и убирает квитанцию в ящик, где у неё, вероятно, хранятся все несостоявшиеся поездки. — Ночью в первом классе сидят те, кто ночью не спит.

— Это плохо?

— Это статистика, — повторяет она с удовольствием, которое испытывают люди, нашедшие единственное слово, способное объяснить всё.

Очередь за вами начинает вздыхать. Очередь всегда вздыхает, когда кто-то в ней думает.

— Последний, кто брал это купе, — добавляет она, не меняя интонации, — спрашивал, запирается ли дверь изнутри. Я сказала, что запирается. Он сказал, что хотел бы это проверить. Теперь вы понимаете, почему я говорю «статистика».

Она не шутит. Или шутит так, как шутят в местах, где чувство юмора выдают по карточкам.

- Выйти из кассового зала. → 19

19

Кассовый зал, выход. 16.12.

Вы выходите из кассового зала, и зал выпускает вас без сожаления. На часах вокзала 16.12. До отправления двадцать восемь минут: достаточно, чтобы передумать, и мало, чтобы что-то изменить.

Вы чувствуете взгляд на затылке и оборачиваетесь. Никого. Только мальчик с леденцом на палочке, которого вы запомнили в очереди. Он смотрит на вас так, как дети смотрят на взрослых, которые остановились без причины.

Мальчик не проблема. Проблема в том, что вы проверили.

В стекле витрины, мимо которой вы проходите, отражается полкруга зала: вокзальные часы, угол газетного киоска, край серого плаща. Вы не поворачиваете головы. Серые плащи в Берлине носят многие. Но не у многих плащ сидит так, словно его гладили на самом человеке.

- Идти к перронному барьеру. → 40

20

Ресторан «Митропа». 15.53.

Двери «Митропы» обиты кожей, которая видела лучшие времена и, вероятно, лучших людей. За ними тепло, которое бывает только там, где есть чем кормить. На стене доска меню, написанная мелом: «Суп дня», «Шницель по-венски (без венского)», «Пиво, при наличии».

Зал полон наполовину. Деловые люди в плащах с разложенными на столе портфелями. Командированные в одинаковых галстуках. Женщина в строгом костюме с книгой, которую читает с такой внимательностью, словно ищет в ней опечатки. Официант в белой куртке идёт между столами так, как ходят люди, которые умеют не мешать и не опаздывать.

Воздух густой: суп, лук, табак, и под ним то, что нельзя назвать запахом, но что присутствует в любом месте, где люди едят, делая вид, что не разговаривают.

Вы занимаете минуту, чтобы осмотреться. Минута, как известно, самая дешёвая и самая важная валюта в вашей профессии.

- Сесть у окна, спиной к стене. → 21
- Сесть у стойки: там проще слушать. → 21

21

«Митропа». 15.55.

Есть два способа есть в ресторане. Первый: сесть так, чтобы видеть дверь. Второй: сесть так, чтобы дверь не видела вас. Вы привыкли к первому и всё чаще завидуете второму.

Окно даёт обзор и чуть лучше свет: можно увидеть зал и половину перрона сквозь запотевшее стекло. Стойка даёт чужие разговоры, а значит, чужие слабости. Официант смотрит на вас с выражением человека, которому всё равно, но который будет помнить.

Над стойкой висят часы, которые отстают ровно на четыре минуты. Это знают все завсегдатаи, и потому в «Митропе» все приходят чуть раньше. Здесь даже опоздание организовано.

- Столик у окна. → 22
- Место у стойки. → 23

22

«Митропа», столик у окна. 15.57.

Официанта зовут Берт: так написано на бляхе. Он принимает заказ кивком, каким кивают люди, видевшие всех и забывшие каждого. Приносит кофе в кувшинчике, крепкий, дорогой и без претензий, и стакан воды, которую вы не заказывали. Вода — это способ сказать «мы вас видим».

Сквозь запотевшее стекло виден кусок перрона и серая спина паровоза. На втором перроне пусто: ни людей, ни состава. Только дежурный с жезлом, стоящий неподвижно, как памятник стрелочнику.

Вы делаете глоток. Кофе горячий, и это единственное неоспоримое утверждение за весь день.

За соседним столиком женщина с книгой подняла голову и посмотрела на вас. Не слишком долго. Ровно столько, сколько нужно, чтобы понять, что вы заметили.

- Продолжить. → 24

23

«Митропа», стойка. 15.57.

Берт стоит за стойкой, протирая бокал, который не нуждается в протирании. Бокал, как и многое в этом зале, нужен для рук.

Справа от вас двое мужчин с одинаковыми портфелями беседуют вполголоса, как люди, у которых каждая фраза прошла согласование.

— Прага мокрая, Вена сухая, Берлин ни то ни сё, — говорит один. — Всё одно: поезд придёт, когда придёт.

— С нами едет переводчица, — отвечает второй. — Слишком точная. Всё поправляет. Вчера исправила министру падеж.

— Министру?

— Не вслух. Но исправила.

Они замолкают, заметив, что вы слушаете. Вы делаете вид, что слушаете стакан.

Берт ставит перед вами кофе без вопросов. Через минуту вы замечаете женщину у столика поодаль: ту, что читает книгу. Она тоже слушала.

- Продолжить. → 24

24

«Митропа». 16.00.

Книга падает на пол с глухим, обиженным звуком. Вы поднимаете её раньше, чем успеваете подумать: рефлекс человека, которого в детстве учили вежливости, а потом ремеслу, причём ремесло пришлось подгонять под вежливость, а не наоборот.

«Эффи Брист», Фонтане. Закладка в середине, обложка обтрёпана.

— Благодарю вас, — говорит женщина по-немецки. Ей лет тридцать, волосы гладкие, светлые, очки в тонкой оправе. Голос чёткий, как у диктора, которому запретили эмоции, но разрешили интонацию. — Простите. Падает при каждом удобном случае.

— Книги всегда падают на вежливых людей.

— Вы австриец? — Она слышит акцент. — Говорите очень красиво. Это опасная привычка в наше время.

Она протягивает вам сложенную газету.

— «Нойе Цайт», сегодняшняя. Возьмите. Читала только первую страницу, она хорошая: вчерашняя ошибка в ней уже исправлена.

- Взять газету и завязать разговор. → 25
- Взять газету и вернуться к кофе. → 26

25

«Митропа». 16.02.

Её зовут Марта Келлер. Она переводчица, едет в Прагу с делегацией внешней торговли: «восемь человек, четыре чемодана и один смысл, который никто не может сформулировать». Говорит это без улыбки, но с интонацией, предполагающей, что улыбка отложена до лучших времён.

— А вы по какой части?

— Измерительные инструменты. Штангенциркули, микрометры.

— О, — говорит она. — Единственные приборы, которые не умеют врать: либо сходится, либо нет.

Вы не успеваете ответить. Она уже смотрит на книгу.

— Я в переводе работаю двенадцать лет, — продолжает она, листая страницы без цели. — Ошибки бывают у всех. Особенно в переводах. Но переводчика обычно винят последним, потому что виноватого сначала ищут среди тех, кто говорил.

Она произносит это ровно, как погодную сводку, но один раз её взгляд коротко касается двери. Потом возвращается к вам, чистый и безучастный.

- Взять газету и вернуться к кофе. → 26
- Заметить, что у двери кто-то появился. → 27

26

«Митропа». 16.04.

Вы раскрываете газету. «Нойе Цайт», та самая: заголовки о достижениях, фотографии людей, которые улыбаются на своих рабочих местах так, словно рабочее место и есть мечта. Объявления на последней странице: кто-то продаёт швейную машину, кто-то ищет жильца, кто-то сообщает, что потерялась такса по кличке Вальтер.

Ничего. Ровно то, что должно быть в газете. Это подозрительно: газета, в которой нет ничего, бывает только у людей, которые знают, что вы будете искать.

Вы складываете газету и убираете в портфель, рядом с образцами.

Ни одной опечатки. В газете, где каждое слово выверено тремя инстанциями, отсутствие ошибки тоже сообщение. Вы пока не знаете, о чём. Но привычка читать то, чего нет, приходит с опытом и уходит только вместе с тем, кто её нажил.

Получен предмет: «Газета Марты».

- Продолжить. → 27

27

«Митропа». 16.06.

Дверь открывается. Вошёл мужчина в сером плаще с поясом.

Он не оглядывает зал: он его просматривает, как просматривают список в поисках нужной фамилии. Взгляд идёт слева направо. Минует стойку. Касается женщины с книгой. Касается вас.

Берт, который целый день ничего не замечал, внезапно оказывается занят протиранием стойки рядом с этим человеком. Вы слишком давно в ремесле, чтобы принимать это за случайность.

Марта Келлер встаёт. Закладывает книгу пальцем.

— Мне пора, — говорит она. — Поезд ждёт, пока ему не надоест.

Она кивает и уходит, не торопясь, ровной походкой человека, который хорошо знает, как выглядит торопливость со стороны.

Серый плащ делает шаг в вашу сторону.

- Уйти через кухню. → 28
- Встать и выйти через главную дверь, как ни в чём не бывало. → 29

28

Кухня «Митропы». 16.08.

Дверь с табличкой «Для персонала» открывается так легко, что вы удивляетесь: обычно запретное сопротивляется.

Кухня встречает вас жаром, паром и человеком в колпаке, который режет лук с видом хирурга. Он поднимает глаза.

— Ошибся дверью, — говорите вы.

— Здесь все ошибаются дверью, — отвечает повар. — Потому что другой нет.

Он возвращается к луку. Вы проходите между плитами, мимо мойки, мимо стопок тарелок, которые громко молчат. За спиной кто-то говорит по-немецки одно слово, которое вы не расслышали. Но по тому, как повар перестаёт резать, понимаете, что это был вопрос.

Выход к служебному коридору. Вы выходите, не оглядываясь. Повар запомнит вас лучше, чем вам хотелось бы.

Запишите: Подозрение +1.

- Продолжить. → 29

29

Зал ожидания. 16.10.

Вы выходите в зал и смешиваетесь с толпой. Кто-то из тех, кто вас видел, уже решил, что вы стоите внимания. Вы пока решаете, как вежливо этого не заметить.

Время ползёт к отправлению. Репродуктор выдаёт женским голосом, лишённым возраста и пола: «Внимание, внимание. Скорый поезд Д пятьдесят девять отправляется в шестнадцать часов сорок минут». Название перрона глотается шумом. Или специально.

Вы чувствуете себя человеком, который слишком много знает и слишком мало понимает: идеальное состояние для агента и худшее для человека.

На всякий случай вы делаете то, чему учат на втором году: идёте не к цели, а мимо неё. Останавливаетесь у витрины с открытками (Бранденбургские ворота, Музейный остров, голубь на плече чьего-то бронзового деятеля) и считаете отражения. Их семь. Один из семи слишком часто оказывается слева.

- Идти к перронному барьеру. → 40

30

Служебная дверь. 15.54.

Эмалированная табличка гласит: «Nur für Dienstpersonal», то есть «Только для служебного персонала». Эмаль стёрта на уровне руки: тысячи ладоней, ни одна не имевшая права. Дверь серая, как дождь, и такая же вежливая.

Вы стоите рядом ровно столько, сколько нужно человеку, который читает объявление, и ровно меньше, чем нужно человеку, который его нарушает. Мимо проходит уборщик с ведром. Он открывает дверь ключом, входит и, не оборачиваясь, придерживает её ногой.

Это приглашение или случайность. В вашей профессии разница между ними такая же, как между клятвой и погодой.

Вы входите.

Над дверью гудит лампа, и в её свете видны следы краски: дверь перекрашивали много раз и всякий раз в тот же цвет. Это самое надёжное объявление о том, что здесь ничего не меняется, потому что менять запрещено.

- Спуститься по лестнице. → 31

31

Служебная лестница. 15.55.

Лестница узкая, с резиновыми ступенями, заглушающими шаги. Это не забота о ваших ушах: так здесь везде, где ходят люди, которых не должно быть слышно. Стены выкрашены масляной краской до уровня плеча и белой извёсткой выше. Пахнет железом, машинным маслом, мокрой бумагой и ещё чем-то сладковатым: так пахнет сургуч.

Внизу гул. Скрип тележек, стук штемпелей, чьи-то голоса, считающие вслух. Сверху, сквозь решётку, видно зал: он выглядит отсюда как театр, в котором зрители стали актёрами, а актёры уехали на гастроли.

На площадке окно с видом на рельсы. На путях стоит состав, длинный, тёмный, без фонарей. Не тот, что значится в табло. Или тот.

Вы спускаетесь дальше.

- Спуститься на почтовую платформу. → 32

32

Почтовая платформа. 15.58.

Платформа узкая, освещённая лампами в железных абажурах. Вдоль рельсов тянутся тележки с мешками, серыми, опломбированными. На каждом бирка: город, номер, штемпель. Между тележками двигается человек в синем халате с бляхой «Бундесбан»: нет, «Рейхсбан», поправляете вы себя. Привычка. Здесь другая железная дорога и другая почта.

Он низок, плотен, с лицом, в котором усы занимают главное место. Жует что-то, не открывая рта. На бирке: «Хентшель, Курт». Он поднимает глаза и смотрит на вас так, как смотрят на посылку, пришедшую не по адресу.

— Вы заблудились? — говорит он.

Не «Вам нельзя». Не «Предъявите документы». Просто «Вы заблудились?»: вопрос, на который можно ответить только правдой или хорошей ложью, и ничем посередине.

- Объяснить. → 33

33

Почтовая платформа. 15.59.

Хентшель ждёт. Умение ждать — главное достоинство людей, которые каждый день видят чужие письма и никогда не видят их содержимого.

Вы взвешиваете варианты.

Можно сказать почти правду: вы коммерсант, у вас образцы, вам надо передать посылку в Вену, а у вас нет времени стоять в очереди. Предложить сигареты. Вежливая взятка действует лучше любой лжи: она ничего не утверждает и всё объясняет.

Можно представиться инспектором и потребовать пропустить. Это быстро. Это громко. Это похоже на то, что делают люди, у которых нет другого выхода.

Можно дождаться, пока он повернётся к тележке, и нырнуть в груду мешков. Это тихо. Это пахнет плесенью. Это не придаёт вам достоинства, зато сохраняет документы.

- Сказать почти правду и достать сигареты. → 34
- Назваться инспектором и потребовать пройти. → 37
- Нырнуть в тележку, когда он отвернётся. → 38